

Глава 13

В начале декабря 619 года Ли Шиминь с войском отправился в Дворец Чанчунь. Его сопровождали чиновники его Великого регионального командования Шаньдун. После битвы на Равнине Цяньшуйюань политическая и военная группа резиденции Цинь-вана стала ещё более сплочённой.

Хотя отъезд в Дворец Чанчунь и означал удаление от центра власти, с другой стороны, это давало свободу действий. Вдали от императорского надзора было удобнее укреплять своё влияние, привлекать на службу талантливых людей и набирать войска.

Как уже упоминалось, Дворец Чанчунь был воротами в Чанъань, расположенный всего в трёхстах ли от столицы. При быстрой переправе можно было добраться за сутки, но сейчас спешить было некуда, поэтому отряд Ли Шиминя двигался неторопливо.

Развлечений в пути было немного, и чтобы скоротать время, спутники вели беседы. Рядом с Ли Шиминем ехали Лю Вэньцзин, Инь Кайшань, Фан Сюаньлин, Ду Жухуэй и другие. Разговор зашёл о событиях, произошедших перед отъездом из столицы.

Отношения между Ли Юанем и Ли Гуем испортились, что мешало походу на восток. После задержания посланника Дэн Сяо император хотел отправить войска на покорение Лянчжоу, но тут вызвался Ань Сингуй. Он заявил, что может подчинить земли Западной Лян без единого воина, и пожелал отправиться туда в качестве переговорщика.

Почему он был так уверен в себе? Дело в том, что Ань Сингуй сам был выходцем из знатного рода тех мест.

Ли Гуй был родом из Лянчжоу, современного Увэя в Ганьсу, где проживало много ху. Когда Сюэ Цзюй поднял восстание, местные жители, опасаясь за свою безопасность, решили избрать предводителя, чтобы объединиться для защиты. В те смутные времена ходило пророчество: «Править будет человек по фамилии Ли». Ли Ми и Ли Юань в какой-то мере подтверждали это предсказание, поэтому выбор пал на него.

Власть этого правителя в Лянчжоу опиралась на две силы: местные кланы ху во главе с Цао Чжэнем и Ань Сюжэнем (родным братом Ань Сингуя) и бывших суйских чиновников во главе с Се Тунши.

Советником предводителя был ханьский учёный по имени Лян Шо. Он считал, что иноплеменникам доверять нельзя, и советовал Ли Гую остерегаться ху. Когда об этом узнали Цао Чжэнь и его сторонники, они, естественно, были разгневаны:

— Что за вздор он несёт? — возмущались они. — Если бы не поддержка наших кланов, смог бы Ли Гуй стать во главе Лянчжоу?

Цао Чжэнь, объединившись с другими вождями ху, оклеветал Лян Шо, обвинив его в заговоре. Правитель, будучи человеком безвольным, поверил им и приказал отравить своего советника. Этот поступок оттолкнул от него бывших суйских чиновников. Все они были ханьцами.

«Если ты не смог защитить Лян Шо, — думали они, — то сможешь ли ты защитить нас, когда Цао Чжэнь нацелится на нас?»

После этого инцидента отношения между двумя фракциями обострились. Позже, когда разразилась сильная засуха и начался голод, дошедший до того, что люди стали есть своих детей, правитель хотел открыть зернохранилища. Клань ху горячо поддержали это решение, ведь голодали в основном их соплеменники.

Однако ханьские чиновники воспротивились:

— Можно ли так просто открывать амбары? Если мы сейчас всё съедим, а враг нападёт, что мы будем делать?

В их словах была доля правды, но выразились они крайне жестоко:

— Те, кто умирает от голода, — это слабые и никчёмные люди. Сильные и храбрые воины не пропадут. Государственное зерно нужно беречь на случай непредвиденных обстоятельств. Нельзя раздавать его всякой слабой мелюзге.

Если бы такое посмел сказать чиновник в наше время, его бы забросали тухлыми яйцами. Но то была другая эпоха, и не у всех было понимание нашего Эр Фэна, знавшего, что вода может нести лодку, а может и опрокинуть её. У Ли Гуя такого политического чутья не было. Он выслушал их и, как ни странно, счёл их доводы разумными, так и не раздав зерно.

Сначала он отравил Лян Шо, настроив против себя ханьских чиновников, а затем отказался помочь голодающим, вызвав ненависть ху. Он потерял поддержку народа и настроил против себя обе стороны.

Ли Шэн, слушая разговор Ли Шиминя и одновременно просматривая информацию в Системе, качал головой.

«Какой же он безвольный. Даже если бы династия Тан не вмешалась, этот Ли Гуй рано или поздно погубил бы сам себя»

— Ань Сюжэнь доложил Его Величеству, что его род издавна пользуется влиянием в Лянчжоу, — сказал Фан Сюаньлин, который высоко ценил этого человека. — Если найти подходящий момент, можно добиться успеха.

Ли Шиминь поглаживал гриву Салучзы, заплетённую в косички. С тех пор как его жена и её

служанки привели скакуна в порядок, конь, казалось, стал с некоторым пренебрежением относиться к неумелым попыткам хозяина.

«Жена в положении, — с нежностью подумал князь, — и перед отъездом она велела служанкам заплести Салучзы. В следующий раз мне придётся делать это самому. Интересно, позволит ли он мне? В прошлый раз он явно не оценил моих стараний, кажется, даже закатил глаза. Может, найти среди телохранителей кого-нибудь с ловкими руками?»

— Ли Гуй укрепился в Хэси, заключил союз с тогонцами и тюрками, — произнёс Ли Шиминь. — Если начать военный поход, будет нелегко. А пока Западная Лян беспокойна, мы не можем спокойно вести войну на востоке. Это большая проблема.

— Его Величество стремится объединить Поднебесную, а значит, Лянчжоу необходимо взять. Чжанъе, Дуньхуан, Сипин — всё это ключевые крепости. Коридор Хэси с древних времён был полем битвы.

— Будем надеяться, что миссия Ань Сюжэня увенчается успехом. Лучше всего обойтись без кровопролития.

Так, беседуя, они ехали вперёд. Вдруг Система замигала оранжевым светом:

[Внимание, носитель! В 1200 метрах впереди замечен табун лошадей, который пытаются поймать. Табун очень агрессивен. Пожалуйста, соблюдайте осторожность, не приближайтесь, чтобы не пострадать]

Но в Ли Шэне проснулся истинный китаец.

«Табун лошадей? — пронеслось в его голове. — Как они выглядят? Ловят их? Как именно? Я никогда такого не видел! Отлично, там что-то интересное, нужно обязательно посмотреть!»

Чувствуя за спиной надёжную опору, Ли Шэн стал осторожно смещаться в сторону. Ли Шиминь почувствовал это, натянул поводья и послал вперёд разведчиков.

— Ваше Высочество, там разбойники, — доложил вернувшийся воин. — Похоже, они напали на какой-то отряд. Лошади испугались, разбежались и теперь нападают на людей.

Даже в смутные времена люди путешествовали. Крупные караваны согдийских купцов вели торговлю, а некоторые советники перевозили свои семьи в резиденцию Цинь-вана.

— Отправьте людей, посмотрим, — приказал Ли Шиминь, слезая с коня и объявляя короткий

привал.

Не прошло и четверти часа, как танские всадники привели пленников. Это действительно были разбойники, причём, судя по их упитанному виду, промышляли они грабежом успешно.

В отряде, на который они напали, было около двадцати человек, все были убиты. Ли Шэну стало не по себе. Даже люди, имеющие повозки и охрану, не были в безопасности в это время.

Лошадей было больше десяти — часть упряжных, часть верховых. Сейчас они стояли, вытянув шеи и наострив уши — явный признак тревоги. После схватки они были напуганы и агрессивны. Ли Шэн заметил, что у одной вороной лошади из бедра торчала стрела, и оттуда сочилась кровь.

Солдаты лишь окружили табун копыями. Конь в ярости — страшная сила, одним ударом копыта он может переломать человеку рёбра. Но скакуны были ценным стратегическим ресурсом, и ранить их не хотели.

Ли Шэн осторожно двинулся вперёд. Ли Шиминь попытался его остановить, но конь мягко отстранил его руку. Он хотел попробовать. Если этих животных отпустить, их в конце концов поймают и съедят, а в армии их хотя бы будут кормить.

Ближайший белый жеребец протяжно заржал и враждебно посмотрел на него, фыркнув. Он высоко поднял голову, напрягая мускулы на шее, так что стали видны белки глаз — всё это говорило о сильном испуге.

Жеребцы очень агрессивны, поэтому Ли Шэн обошёл свирепого белого коня и приблизился к стоявшей рядом гнедой кобыле, которая казалась спокойнее. Став конём, он просто знал, как отличать их.

Ли Шэн медленно подходил, остановился примерно в полуметре и издал тихий, дружелюбный звук. Затем он спокойно посмотрел на неё, стараясь показать своё миролюбие. Особого прогресса не было: агрессия лошадей немного спала, но белый жеребец по-прежнему был настроен враждебно. Как только Ли Шэн сделал шаг вперёд, тот с тревогой пятился.

Тогда Ли Шэн отступил на пару шагов, подошёл к Ли Шиминю и ткнулся мордой в мешочек, висевший у него на поясе десе. Там был сахарный сироп.

Ли Шиминь на мгновение замер, а затем с сомнением снял мешочек с пояса. Салучзы радостно вильнул хвостом, потёрся о его руку, а затем схватил подарок зубами и потянул в сторону табуна.

«Вот оно что, — с кривой усмешкой подумал князь. — Оказывается, ты готов поделиться своими сокровищами»

Он не стал перечить своему любимцу. К тому же, лошади действительно были хороши, некоторые ростом почти с самого Салучзы. Такие кони могли принадлежать только знатной семье, но ни на повозке, ни на телах убитых не было ни гербов, ни писем. Пришлось похоронить погибших на месте.

Ли Шиминю было жаль сахара — сироп был недешёвым! Он приказал солдатам разбавить его водой, смазать им палки и протянуть лошадям. Сладкий запах — непреодолимое искушение. Ли Шэн наблюдал, как лошади начали водить ноздрями. Поколебавшись, они стали осторожно слизывать угощение и постепенно успокоились.

Ли Шэн был очень горд собой. Ли Шиминь с беспомощностью смотрел на самодовольного коня. Потратить драгоценный сироп! В танской армии даже не у каждого солдата была возможность поесть сахара.

К ним подошёл Лю Вэньцзин. Он был назначен левым вице-главой Государственного совета Великого регионального командования Шаньдун и теперь сопровождал князя.

— Ваше Высочество, вот так удача! Несколько отличных лошадей. Чуткость Салучзы поистине превосходит обычных животных. Может, он просто запах кобыл почуял, вот и ищет себе невесту, ха-ха!

В реальной истории, после поражения в первой битве на Равнине Цяньшуйюань, Лю Вэньцзин и Инь Кайшань были понижены в должностях. Лю Вэньцзин так и не оправился от этого, стал клеветать на Пэй Цзи и даже занимался колдовством, что привело его к казни.

Но здесь, благодаря Ли Шэну, Ли Шиминь выиграл битву. Лю Вэньцзин и Инь Кайшань не были наказаны, а наоборот, получили награды. Поэтому Ли Шэн лишь закатил глаза.

«Господин Лю Вэньцзин, — подумал он, — в настоящей истории ты бы сейчас сидел дома и пил горькую. Если бы не я, разве ты мог бы здесь так беззаботно шутить? Советую тебе быть повежливее со своим спасителем. Надеюсь, ты будешь вести себя хорошо»

<http://bllate.org/book/16003/1499149>